

Дель Монако, Хрущев и я

Визит Москва: 1994 - 3 ноября - 4 ч

Я был тогда таким, как на этой фотографии, и начинал учиться в Щепкинском. В то время из-под приподнявшегося «железного занавеса» к нам потянулись с Запада знаменитые гастролеры. Я старался все увидеть, ничего не пропустить, и, конечно, когда в 1959 году в Союз впервые приехал Марио дель Монако, из толпы алчущих устремился к Большому театру. Прорваться внутрь было практически невозможно. Театр оцепила милиция, билеты проверялись не в фойе вестибюля, как обычно, а прямо при входе в здание. Но если очень хочется, выход всегда найдется. На первый спектакль я не попал. Зато ко второму «подготовился»: подделал старый билет, написал на нем «Кармен» и в суматохе проскочил.

По богатому студенческому опыту я знал, что первый акт в Большом часто удается посмотреть из партера, так как свет здесь гасится строго за пять минут до начала, и после третьего звонка в партер не пускают.

Я сел в четвертом ряду, с края, у центрального прохода, и стал с нетерпением ждать, когда погасят свет. Сказать, что в театре был аншлаг, — значит, не сказать ничего. Впервые я видел стулья в проходах Большого, на одном из них сидела Алла Тарасова. Ярус и ложи забыты до отказа. Понимаю, что найти свободное место я не смогу. А свет все не гаснет. Семь двадцать пять, семь тридцать (спектакли тогда начинались в половине восьмого), уже тридцать пять минут, — роскошная люстра продолжает гореть. Для режимного театра — событие невероятное!

Сию, как на иголках. Вот сейчас меня поднимут на глазах у публики, и я с позором удалюсь. Вдруг сидевшая рядом женщина наклонилась ко мне и произнесла: «Не волнуйтесь. Может быть, вам удастся остаться здесь до

конца спектакля». Удивленный, я промолчал. Тут зал заволновался: в правительственную ложу вошел Хрущев со свитой человек из восьми. Стало ясно, почему задерживали начало. Моя соседка взглянула на вошедших и улыбнулась: «Сидите спокойно». И я действительно просидел на этом месте до конца. Не знаю, чье кресло я занял. Подгорного? Кириленко?...

Вдохновленный такой удачей, я нахально пробрался на последние спектакли дель Монако в филиале Большого, нынешнем Театре оперетты. После окончания две с половиной тысячи человек хлынули к служебному подъезду. Весь Копьевский переулок — от Пушкинской улицы до Большого театра — был запружен народом. Вдруг в окне одной из гримерок вспыхнул свет и за шторами появился силуэт дель

Монако. Люди зааплодировали, закричали. Это напоминало сцены из итальянских фильмов о великих оперных артистах. Тенор распахнул окно и, застегивая брюки, исполнил не то «Санта Лючия», не то «Вернись в Сорренто», сейчас уже точно не помню. На подоконнике у него стояли корзины с живыми цветами. Дель Монако взял немислимую верхнюю ноту, народ внизу восторженно взвыл, а он начал вырывать из корзины цветы и бросать их публике. Земля сыпалась на головы, цветы лопали.

Самое удивительное, что через десять лет, периодически играя «Учителя танцев» в Театре оперетты, я занимал ту самую гримерку, откуда шел дель Монако. Мысль об этом приводила меня в трепет, который испытываешь лишь за кулисами «Метрополитен опера», «Ковент-гарден» или Большого театра.

Федор ЧЕХАНКОВ

